

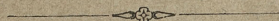
900

434

ГРАФЪ С. Д. ШЕРЕТЕВЪ

ПИСЬМА
СЪ РУЩУКСКАГО ОТРЯДА

1877 года

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

Suum cuique

Всякому свое

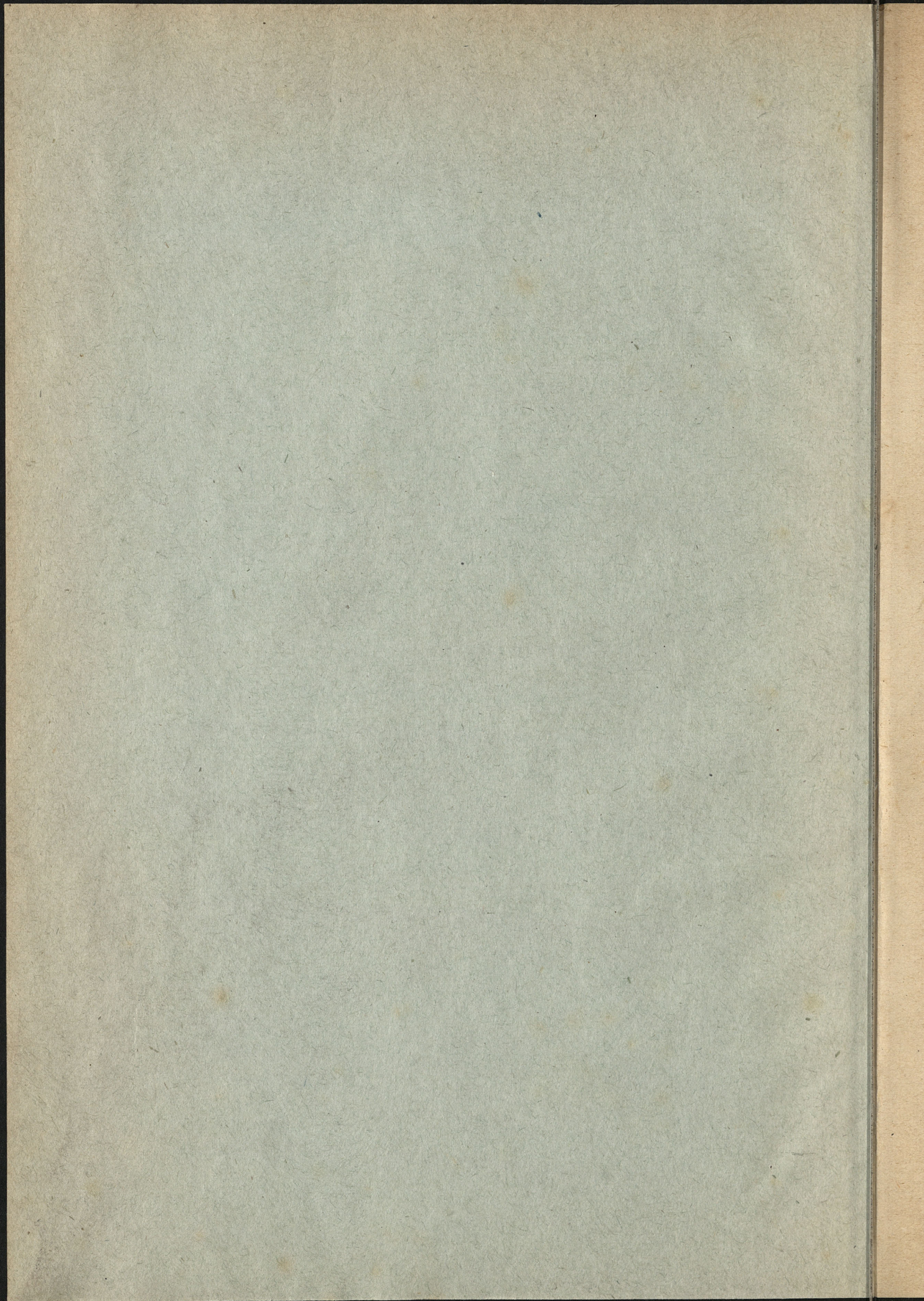

ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

105

1877-1878, 2.

1752

△ 900/434

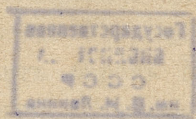
м. 1
м. 1

30
Ки. М

ГРАФЪ С. Д. ШЕРЕМЕТЕВЪ

ПИСЬМА
СЪ РУЩУКСКАГО ОТРЯДА

1877 года

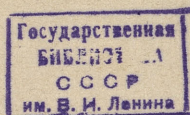

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1898

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 августа 1898 года.

12599-65

1500218758

ИЗЪ ПИСЕМЪ СЪ РУЩУКСКАГО ОТРЯДА.

1877 годъ.

1.

Павель. 4-го іюля 1877 г.

Послѣ затишья съ 26-го іюня по вчерашній день сегодня тревоги было не мало. Началось съ того, что въ шестомъ часу утра меня поспѣшно будить А. Н. Стюрлеръ: всѣ мы вскакиваемъ, а Цесаревичъ уже одѣтъ... Собрались мы впопыхахъ по тревогѣ и узнаемъ, что приѣхалъ отъ Государя (который находился въ Царевичѣ) флигель-адъютантъ баронъ Мейндорфъ съ извѣстіемъ, что была у Государя тревога. Прискакалъ казакъ изъ Систова, потерявшій голову, съ крикомъ „турки, турки!“, а тутъ же депеша изъ Систова, что тамъ переполохъ; турки наступаютъ на Систово и къ переправѣ; въ то же время весь вчерашній день и вечеромъ слышны были выстрѣлы въ сторонѣ между Систовымъ и Никополемъ; у насъ же двинуть былъ къ Никополю корпусъ барона Крюднера, но отъ него уже четыре дня какъ не было никакого извѣстія. Посланный къ нему отъ Государя Толстой не возвращался, а съ Государемъ въ Царевичѣ всего бригада корпуса князя Шаховского, да двѣ батареи, да конвой съ Черевинымъ. Каково положеніе!..

Всѣ выскочили изъ палатокъ въ увѣренности, что корпусъ

Крюднера отрѣзанъ, и что турки хотятъ напасть на Государя. Еще было темно, когда Государь сѣлъ на коня и, какъ говорятъ необыкновенно спокойно дѣлалъ распоряженія: велѣлъ скорѣе занять высоты баттареями съ пѣхотой, а казаковъ послалъ впередъ узнать въ чемъ дѣло. Въ то же время поспѣшно отправилъ Мейндорфа за 20 в. къ намъ въ Павелъ, чтобы Цесаревичъ съ тремя полками и артиллеріею шелъ на выручку и въ помощь корпусу Крюднера. Все уже было у насъ готово; полки выступили съ пѣснями: Невскій, Софійскій, Копорскій; уже подвели нашихъ лошадей, когда прискакалъ графъ Протасовъ-Бахметевъ съ новымъ приказаніемъ оставаться на мѣстѣ, потому что Государь будетъ самъ въ Павлѣ. Мы только что успѣли опять раздѣться и лечь, какъ насъ опять разбудили со словами: „Государь въ двухъ верстахъ!“ Тотчасъ же всѣ отправились верхомъ къ нему на встрѣчу. Впереди всѣхъ Цесаревичъ на своей славной бѣлой лошади „Доѣзжаемъ“. Когда мы поровнялись съ лазаретомъ, увидѣли мы конвой Государя, а за нимъ верхомъ ѣхалъ и онъ самъ съ своею свитой. Встрѣча была очень торжественна. Тутъ узнали мы, что Государь, по полученіи извѣстія, что никакихъ турокъ въ окрестности Царевича и Систова не находится, послалъ все-таки свою пѣхоту и артиллерію на помощь Крюднеру, о которомъ ни слуху, ни духу, а самъ рѣшился прибыть въ Павелъ.

Расположились бивуакомъ недалеко отъ насъ, гдѣ пришлось, безъ всякой тѣни. Государь въ палаткѣ. Было 11 часовъ; Цесаревичъ поспѣшилъ къ себѣ, чтобы принять Государя къ завтраку въ большой нашей палаткѣ. Пришли графъ Адлербергъ, князь Суворовъ, графъ Милютинъ, Мезенцовъ, Воейковъ.. Государю понадобилось для завтрака покойное кресло. Я предложилъ свое, которое ему понравилось. За столомъ всѣ сидѣли усталые и озабоченные судьбою корпуса Крюднера. Но вотъ приходитъ генералъ Щолковъ съ депешей къ Государю. Насъ въ жаръ бросило. Нужно было видѣть лицо и выраженіе Государя. Онъ пристально взглянулъ на Щолкова, который улыбался. Дрожащими руками распечатываетъ Государь пакетъ и читаетъ. Видимъ—глаза блеснули, радость засіяла на лицѣ,—и онъ началъ громко:

„Съ безпримѣрнымъ мужествомъ войска Вашего Импера-

торскаго Величества оградѣли приступомъ постепеннымъ рядомъ укрѣпленій. Никополь взятъ, 6000 плѣнныхъ и двое пашей“.

„Ура!“ — крикнулъ Государь. „Ура, ура!“ подхватили ближніе и всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ. Сейчасъ же князь М. М. Голицынъ посланъ объявить войскамъ о побѣдѣ. „Ура!“ — слышалось съ бивуака, и долго не умолкали радостные, восторженные крики. Слава Богу — это первый важный успѣхъ. Въ то же время узнаемъ, что Гурко съ кавалеріею перешелъ Еленинскій проходъ въ Балканахъ и идетъ на Казанлыкъ.

2.

Павель. 5-го іюля 1877 г. 11 часовъ вечера.

Завтра утромъ выступаемъ отсюда въ 6 часовъ въ Бѣлы, а оттуда далѣе къ Рущуку. Теперь, что Никополь взятъ, очередь за нами, и мы перейдемъ нашъ Рубиконъ, то-есть, Янтру, чтобы придвинуться къ другой рѣкѣ — Лому... Послѣ молебна въ 1-й дивизіи завтракали у Цесаревича; во время молебна на аналоѣ былъ тотъ самый складень, которымъ благословили Государя въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и который былъ подъ Полтавою. Странно, что во время молебна орелъ парилъ надъ войсками. Это второй орелъ: первого мы видѣли на Дунаѣ.

За завтракомъ Государь былъ очень въ духѣ и послѣ завтрака допрашивалъ самъ плѣннаго пашу Гассана. Сидѣлъ онъ опять на моемъ креслѣ и спросилъ за столомъ, кто еще именинникъ? Я всталъ, и онъ пилъ за мое здоровье. Потомъ всѣхъ пригласили къ Государю обѣдать. За столомъ онъ опять молча на меня посмотрѣлъ и поднялъ стаканъ. Я всталъ и стоя выпилъ свой стаканъ. Возвращаясь отъ обѣда, остановился у Черевина, который угостилъ шампанскимъ съ сельтерской водой. Тутъ былъ и великій князь Сергѣй Александровичъ, а потомъ пришелъ В. Шереметевъ. Засидѣлись мы тутъ, пока стемнѣло и показался мѣсяцъ. Въ конвоѣ пробили зорю и казаки прочли молитву. Среди окружающей тишины очень было торжественно. Графъ Воронцовъ получаетъ назначеніе командовать всею кавалеріею нашего отряда.

3.

Обретеникъ. 8-го іюля 1877 г.

Мы наконецъ выбрались изъ скучнаго Павла 6-го іюля въ 6 часовъ утра. День былъ опять необыкновенно жаркій. Къ намъ присоединились великій князь Сергій Александровичъ съ Д. С. Арсеньевымъ, которые будутъ состоять при Цесаревичѣ. Въ двѣнадцатомъ часу пришли мы въ Бѣлу. Деревня довольно большая, на берегу рѣки Янтры, чрезъ которую построенъ прекрасный каменный мостъ. Остановились мы среди деревни въ избахъ, оставленныхъ турками, а не въ палаткахъ; я случайно наткнулся на избу не слишкомъ грязную и помѣстился въ ней вмѣстѣ съ Д. С. Арсеньевымъ. Жара была невыносимая, и мы прождали обѣда до 5 часовъ вечера...

Нужно привыкать къ рѣзкимъ переходамъ отъ жары къ порывистому холодному вѣтру. Такъ было вчера ночью. Передъ обѣдомъ былъ страшный ураганъ съ пылью; все небо трепетало отъ зарницъ, но ни грозы, ни дождя не было, за то жаръ вдругъ свалилъ, и ночью было даже прохладно въ избѣ „безъ оконъ и безъ дверей“.

Вчера утромъ я былъ дежурнымъ. Графъ Воронцовъ, назначенный начальникомъ нашей кавалеріи, отправился къ аванпостамъ. Съ нимъ отпросился и В. Шереметевъ, которому уже давно не сидится.

Дорога отъ Бѣлы до Обретеника не дурна, большое Рушукское шоссе, мѣста возвышенныя, и виды иной разъ очень хороши. Сильный вѣтеръ, хотя и поднималъ облака пыли, но за то умѣрялъ жару во время перехода. Я, какъ дежурный, все время ѣхалъ за Цесаревичемъ; тутъ же былъ и герцогъ Сергій Максимиліановичъ, съ которымъ всегда очень пріятно разговаривать. За Цесаревичемъ всюду ѣдетъ казакъ со *стягомъ* великаго князя въ рукахъ: на золотомъ полѣ русскій двухглавый орелъ, а вокругъ цвѣта нашего морского флага..., а надъ флагомъ осмиконечный нашъ крестъ.

4.

Обретеникъ. 10-го іюля 1877 г.

Сидимъ мы теперь здѣсь, а Государь перешелъ въ Бѣлу. Вчера днемъ вдругъ слышались выстрѣлы со стороны Рущука, по направленію нашего авангарда. Начальникъ штаба П. С. Вавновскій отправилъ своего ординарца Суходольскаго, отъ котораго уже было извѣстіе, что онъ не засталъ великаго князя Владиміра Александровича въ Трстеникѣ и что онъ на выстрѣлы двинулся впередъ; но ночью и сегодня утромъ все опять тихо и выстрѣловъ не слышать. Отъ графа Воронцова также не было извѣстій, знаемъ только, что онъ въ Соленикахъ. Ждемъ извѣстій изъ корпуса князя Шаховскаго, который долженъ занять Османбазаръ и заслонить дорогу къ Шумлѣ, чтобы мы могли свободнѣе дѣйствовать. Наступило теперь самое рѣшительное время: войска наши перешли уже Балканы.

Въ день нашего прихода въ Обретеникъ пришли въ Дамогилу два полка: Украинскій и Одесскій, и Цесаревичъ смотрѣлъ на ихъ прохожденіе. Оба полка бодро прошли мимо него съ музыкой, съ пѣснями, нѣкоторые солдаты выкидывали даже ногами небывалыя колѣнца; всѣ лица веселыя, отважныя, точно будто полки эти не сдѣлали ужъ большого перехода изъ Бѣлы.

Вчера была великолѣпная, лунная и свѣжая ночь. Мы долго лежали на сѣнѣхъ передъ тѣмъ, чтобы собраться къ чаю. Еслибы была здѣсь хорошая вода, то бивуакъ былъ бы очень хорошъ: есть тѣнь и палатки стоятъ за кустами.

Сегодня воскресенье; сейчасъ одѣнусь, чтобы идти къ обѣдницѣ... Очень было хорошо: среди поля поставленъ аналой съ большимъ образомъ Божіей Матери, а на маленькомъ столѣ складень съ крестомъ и Евангеліе. Священникъ служить просто, прекрасно, вообще долженъ сказать, что всѣ священники наши производятъ хорошее впечатлѣніе.

Сейчасъ пріѣхалъ начальникъ штаба корпуса великаго князя Владиміра Александровича—Косичъ; была рекогносцировка, великій князь былъ въ огнѣ; взяли въ плѣнъ 18 башибузуковъ у Кадыкіой. Желѣзная дорога въ Шумлу испорчена нашими казаками и телеграфъ порванъ. Вотъ пока все, что знаемъ.

5.

Обретеникъ. 11-го іюля 1877 г.

Получилъ приказаніе ѣхать съ посылкой къ графу Воронцову на аванпосты. Мнѣ приказано было ѣхать на Трстеникъ, оттуда вправо въ Чифликъ, потомъ въ Кадыкій, занятый казаками, а тамъ ужъ только узнать, гдѣ Воронцовъ—въ Бузинѣ ли или въ Пизанцѣ, или Богъ знаетъ гдѣ. Мнѣ дано было 6 казаковъ съ урядникомъ полка Хрещатицкаго; Цесаревичъ далъ своихъ двухъ атаманцевъ, да еще взялъ я казака, прибывшаго на дняхъ отъ Воронцова и проводника болгарина, — итого со мною (считая Козлова) было 12 человекъ. Двинулись въ 3 ч. дня, какъ слѣдуетъ, съ авангардомъ: два казака впереди, одинъ вправо, на значительномъ разстояніи, другой влѣво и одинъ сзади; въ такомъ порядкѣ сдѣлали мы верстъ 10 и дошли до корчмы Ханъ. Тутъ я остановился на $\frac{1}{4}$ часа; еще верстъ 6 сдѣлали ужъ рысью, и приходилось сворачивать съ большой дороги вправо на Чифликъ, когда, къ моему великому удивленію и не малому удовольствію, встрѣчаю группу всадниковъ и узнаю впереди ихъ Воронцова съ начальникъ штаба, В. Шереметева и осетина. Они ѣхали по большой дорогѣ. Тутъ передалъ я всѣ бумаги и тотчасъ же съ ними вернулся въ Обретеникъ.

Послѣ взятія Никополя было, къ сожалѣнію, неудачное нападеніе на Плевно, при чемъ мы потеряли 1800 чел. и были отбиты. Теперь стягиваются войска и опять будетъ сдѣлано нападеніе на Плевно, которое нужно взять, потому что это—дорога на Филиппополь. Завтра будетъ сюда Государь...

Мы все ближе подходимъ къ Рущуку, передовыя войска въ 3 верстахъ. Сейчасъ получили извѣстіе, что еще одинъ мониторъ уничтоженъ нашими выстрѣлами.

6.

Обретеникъ. 12-го іюля 1877 г.

Великій князь Николай Николаевичъ телеграфировалъ изъ Тырнова, чтобы Руцукскій отрядъ не предпринималъ ничего серьезнаго,

пока не кончится со стороны Плевны, гдѣ была неудача. В. Шереметевъ сегодня ѣдетъ обратно въ отрядъ Воронцова. Жара стоитъ невыносимая; я дежурный и сижу теперь въ куртѣ, пока въ большой палаткѣ играютъ въ карты. Теперь мы здѣсь еще постоимъ неопредѣленное время.

Государь ѣдетъ въ Тырново..., неосторожно ему такъ вдаваться въ глубь Болгаріи, когда съ двухъ сторонъ турки на насъ нападаютъ. Хотя съ фронта мы открыли дорогу чрезъ Балканы, но черезъ это сильно растянулись, и нужно на флангахъ глядѣть въ оба... Государь спокоенъ, бодръ, но не веселъ, да и нельзя быть веселымъ; братья болгары продолжаютъ играть двойную игру, хотя турки рѣжутъ ихъ сильно. Въ деревняхъ, вновь занятыхъ, находятъ кучи мертвыхъ, зарѣзанныхъ болгаръ... Много преувеличеннаго однако въ головахъ у коноводовъ, которые заваривали всю эту кашу, которую расхлебывать приходится не имъ, а намъ. Они же сидятъ себѣ спокойно на печи, да придумываютъ новые проекты.

7.

Обретеникъ. 14-го іюля 1877 г.

Все еще нѣтъ извѣстій изъ Плевны, куда однако направляются значительныя войска!.. За то великій князь Николай Николаевичъ телеграфируетъ, что ожидаетъ нападенія со стороны Османбазара, и потому предписываетъ придвинуть къ нему XIII корпусъ Гана, чтобы въ случаѣ надобности ударить непріятелю во флангъ. Все это приостанавливается, разумѣется, наши дѣйствія на Рущукъ.

Гурко испортилъ желѣзныя дороги за Балканами, но вся задержка за Плевною. Вчера пріѣхалъ сюда флигель-адъютантъ Чингизъ-ханъ и Аничковскій Raymond Ingano... Вчера долго вечеромъ лежали на сѣнѣ; ночь была чудная, и полный мѣсяцъ освѣщалъ весь бивуакъ, но такія ночи здѣсь только нагоняютъ тоску. Я смотрѣлъ на Цесаревича, которому иной разъ очень бываетъ невесело. Нельзя не радоваться, когда слушаешь его здравыя, прямыя сужденія и удивляешься его вѣрному взгляду на людей.

8.

Обретеникъ. 16-го іюля 1877 г.

Боже мой, какая непреодолимая скука! Не видишь конца всему этому бездѣлю. До сихъ поръ о Плевнѣ ничего не знаемъ. Вчера Воронцовъ былъ причиною тревоги. У него было на аванпостахъ дѣло: пѣхота и кавалерія противъ турецкихъ восьми таборовъ... Изъ дивизіи генерала Баранова пришло свѣдѣніе, что отъ нихъ Воронцовъ требуетъ подкрѣпленія. Цесаревичъ рѣшился двинуться, чтобы ближе видѣть, въ чемъ дѣло. Сдѣлали мы въ самую жару верстъ 30 и добрались до мѣстечка Кацелева, не далеко отъ Соленикъ; но тутъ мы узнали отъ Баранова, что все кончено, и тутъ же получено было донесеніе отъ Воронцова, что турокъ отгѣснили, и Азисъ папа убитъ; на немъ нашли бумаги, которыя и забрали, между прочимъ письмо нѣмецкое отъ его возлюбленной изъ Шумлы; начинается такъ: „Mein vielgeliebter Asis!“ и подписано: „Emilia“. Изъ этого письма узнали, что изъ Шумлы жители уходятъ въ Константинополь. Часъ посидѣли мы на мѣстѣ, закусили и отправились обратно... Деревни на половину брошены жителями, другія горятъ..., только берега Лома нѣсколько живописнѣе; видны скалы, покрытые кустарникомъ или же просто скалы, голыя, отвѣсныя; дороги недурны, но все какъ-то необыкновенно безотраднѣе...

Когда вернулись въ Обретеникъ, то вслѣдъ за нами пріѣхалъ графъ Воронцовъ съ В. Шереметевымъ и С. Мальцовымъ. Послѣдній изъ Тырнова былъ посланъ къ Соленику главнокомандующимъ. Они были въ огнѣ, подъ сильнымъ даже огнемъ гранатъ. Они остаются здѣсь до вечера и опять уѣзжаютъ къ Соленику.

Здѣсь теперь отъ Краснаго Креста молодой князь А. Г. Щербатовъ..., много разговаривали.

9.

Обретеникъ. 17-го іюля 1877 г.

Сегодня утромъ мы въ коляскахъ отправились къ аванпостамъ XII корпуса въ Хангель-Чесму, гдѣ ожидали насъ верховыя ло-

шади. Я ѣхалъ въ своей коляскѣ съ докторомъ Гриммомъ. Верхомъ объѣхали мы линію аванпостовъ, начиная съ праваго фланга, мимо устроенныхъ нами батарей, въ виду Леванъ Табіи, передъ которою виденъ былъ ясно турецкій лагерь. Хотя мы были на разстояніи выстрѣла, но турки молчали; кое-гдѣ виднѣлись всадники на возвышенностяхъ, но въ бинокли мы могли различить, что это были наши же казаки. Такъ доѣхали мы до Пиргоса и видѣли въ землѣ слѣды турецкихъ гранатъ, но Леванъ Табія молчала. Мы объѣхали всѣ войска и вернулись въ Трстеникъ, въ главную квартиру великаго князя Владиміра Александровича, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ. Очень хорошо устроенъ былъ какой-то сарай, весь въ зелени, и Скарятинъ хозяйничаетъ какъ гофмаршалъ... На обратномъ пути коляску А. Н. Стюрлера, Мартынова и Барятинскаго опрокинули, и они порядочно расшиблись, но теперь лучше; приложили примочки, но перелома нѣтъ...

Цесаревичъ говорилъ, что великій князь Михаилъ Николаевичъ болѣе 10 дней не присылаетъ никакихъ извѣстій...

10.

Обретеникъ. 18-го іюля 1877 г.

Въ скоромъ времени, по всей вѣроятности, двинемся, но еще неизвѣстно — куда; въ воздухѣ чувствуется что-то. Дохтуровъ вчера уѣхалъ въ Тырново къ главнокомандующему. Сегодня прибыли осадныя орудія для обложенія Рущука; все еще нѣтъ извѣстій изъ Плевны. Сегодня вернулся изъ Бѣлы отъ Государя фельдъегерь Шлотгауеръ и привезъ извѣстіе, что Государь немедленно сообщитъ объ извѣстіяхъ изъ Плевны..., а пока все спокойно.

Сегодня допрашивали плѣнныхъ турокъ, въ томъ числѣ одного негра, который соглашается идти въ Рущукъ лазутчикомъ, и мы его посылаемъ. О насъ онъ ничего не можетъ рассказать, потому что ничего не видѣлъ... Раненные въ послѣднемъ Воронцовскомъ дѣлѣ доставлены были въ Кацелево, гдѣ находился нашъ здѣшній докторъ Symbolide и дѣлалъ операціи; всѣхъ больныхъ отправили въ Бѣлу, гдѣ, говорятъ, Государь выйдетъ къ нимъ на

встрѣчу. Всего до 200 человѣкъ. Сегодня сюда прибыли четыре сестры милосердія, а завтра будетъ пятая сестра съ кн. Щербатовымъ.

Только что кончился обѣдъ; Цесаревичъ еще сидитъ въ большой палаткѣ и за его столомъ разговариваютъ. Тутъ великій князь Сергѣй Александровичъ, Ванновскій, Арсеньевъ, Стюрлеръ, Н. Долгорукій, Васильковскій, инженерный генералъ Дешпъ и пр., а мы все разбрелись по своимъ палаткамъ. Докторъ Symbolide, грекъ, любопытный человѣкъ; съ нимъ разговаривали о Греціи, о раскопкахъ Шлимана; онъ оригиналь и о медицинскихъ операціяхъ говорить съ увлеченіемъ, какъ онъ рѣзалъ и какъ отчетливо отдѣлялись „les chaires molles“, какъ онъ срывалъ жилы, а артерію закрыть... Хорошій человѣкъ здѣсь нашъ переводчикъ, еще молодой Петръ Максимовъ.

11.

Обретеніе. 19-го іюля 1877 г.

Государь пишетъ Цесаревичу, что второе наше нападеніе на Плевну отражено; но чтобы отбить 25,000 ч., нужно, чтобы у нихъ было 70,000; значить, слухи о числительности турецкой арміи въ Плевнѣ были вѣрны. Цесаревичъ немедленно поѣхалъ съ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичъ въ Бѣлу, куда изъ Тырнова прибудетъ главнокомандующій, чтобы самому идти къ Плевнѣ. Теперь что мы будемъ дѣлать подъ Рущукомъ? Вѣроятно, на насъ будетъ нападеніе съ Шумлы... Здѣсь въ одинъ голосъ все упрекаютъ помощника начальника штаба, всеобщій ропотъ. Жаль искренно Государя, которому должно быть теперь не легко.

12.

Обретеніе. 20-го іюля 1877 г.

Цесаревичъ вчера вернулся очень поздно. По видимому, Государю въ точности не извѣстно, что было подъ Плевной. Командиръ

корпуса баронъ Крюднеръ сообщилъ только, что онъ отступилъ къ Булгарени, а это верстахъ въ 40 отъ Плевны.

Вотъ еще возмутительная новость: когда изъ Плевны, послѣ перваго нападенія, транспортъ съ ранеными отправился въ Никополь, то на этотъ транспортъ напала шайка разбойниковъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ башибузуковъ, одного румына и двухъ болгарскихъ священниковъ (!). Къ счастью, ихъ схватили живьемъ и не дали разгуляться. Вообще духовенство болгарское плохо; они-то главные шпионы и потому терпимы были турками. Главнокомандующій сообщилъ ужасныя подробности о турецкихъ звѣрствахъ. Одинъ молодецъ вырѣзалъ груди у 20 женщинъ; его застигли во время самой операціи, судили полевымъ судомъ и на другой день повѣсили. За Балканами сильная паника; населеніе бѣжитъ къ Адрианополю. Оба военные агенты, австрійскій и англійскій, уѣхали въ Вѣну и въ Лондонъ. Бехтольсгеймъ уѣхалъ послѣ продолжительнаго совѣщанія въ Бѣлой. Должно быть, скоро предстоитъ занятіе Босніи австрійскими войсками, тѣмъ болѣе, что англійскія войска собираются въ Гибралтаръ и на Мальтѣ, и поговариваютъ уже о высадкѣ въ Галлиполи и въ Дарданеллахъ. Съ Wellesley Государь былъ любезенъ; Wellesley словно старается сгладить прежнее впечатлѣніе и самъ вызвался поѣхать, чтобы изложить своему правительству ходъ дѣлъ.

Вотъ еще новость: всю гвардію мобилизируютъ.

13.

Обретеникъ. 21-го іюля 1877 г. 4½ часа ночи.

Ежечасно ожидаемъ, чтобы насъ куда-нибудь двинули... Мы все еще подъ впечатлѣніемъ подробностей втораго дѣла подъ Плевной.

14.

Широко. 27-го іюля 1877 г.

Очень грустное обстоятельство — соперничество военно-медицинскаго управленія съ Краснымъ Крестомъ...

XIII корпусъ Гана выдвинулся вдоль Лома и далѣе къ югу фронтомъ къ дорогѣ изъ Разграда въ Тырново. Главная квартира наша оставила Обретеникъ. Въ Широко занимаемъ центральное положеніе между двумя корпусами XII и XIII...

Дорога отъ Обретеника сначала идетъ полями засохшими, съ пожелтѣлой травой, обципанной кукурузой, кочками или мелкимъ кустарникомъ. Мы проходили чрезъ кладбище турецкое, съ множествомъ камней безъ надписей... На полдорогѣ, недалеко отъ деревни Батенцы, нашли мы среди дороги какія-то тряпки и тутъ же изъ земли торчала какая то нога, повидимому женская... Проѣхавъ Батенцы, мы попали въ густой кустарникъ, чрезъ который шла небольшая, весьма неудобная для экипажа дорога. Мало-по-малу она опускалась, и мы очутились передъ долиною Лома (Чернаго Лома). Дорога шла ущельемъ, возвышались скалы. Узкою дорогою вѣхали въ Широко, расположенную довольно красиво на берегу Лома. Кибитка Цесаревича стоитъ передъ спускомъ въ долину, — далеко виднѣется лагерь 33-й пѣхотной дивизіи и бѣлѣетъ вдали. Атаманцы расположились внизу у берега Лома, чтобы ближе быть къ водопою, за Цесаревичемъ стоятъ наши палатки. Здѣсь, благодаря высокому мѣсту, и прохладно, и продувается съ утра до вечера. Вода здѣсь немного лучше, чѣмъ въ Обретеникѣ, но не холодна.

Сегодня мы ѣздили въ лагерь 33-й дивизіи въ Острицу...

On s'est beaucoup occupé les deux derniers jours à Obretenik d'archéologie!.. Le Grand-Duc Heritier s'est pris de passion pour les fouilles des курганы; deux jours de suite nous avons grillé en plein soleil, pendant que les sapeurs piochaient les курганы. Цесаревичъ даже самъ взялъ лопату и долго копалъ, сильно потѣя, такъ что спина совершенно промокла. Нашли два мѣдныхъ кольца и скелетъ...

Сейчасъ прибылъ сюда драгунскій офицеръ, который ѣздилъ въ турецкій лагерь парламентаромъ съ отвѣтнымъ письмомъ нашего главнокомандующаго на письмо турецкаго. Кромѣ того, получены донесенія отъ барона Дризена; прибѣжалъ посланный болгарскимъ священникомъ изъ Разграда крестьянинъ и привезъ извѣстіе, что въ Разградѣ и окрестностяхъ до 70,000 турецкаго войска и болѣе 100 пушекъ. Вотъ и дѣйствуйте, имѣя на обоихъ флангахъ по

70,000 турокъ въ Плевнѣ и въ Разградѣ, а наши войска разбросаны...

15.

Широко. 30-го іюля 1877 г.

Сегодня всю ночь шелъ проливной дождь, но моя кибитка выдержала хорошо и не промокаетъ, за то въ палаткахъ менѣе пріятно, а тѣмъ болѣе войскамъ, у которыхъ только легкія tentes abî... Вчера я былъ дежурный и въ 9 часовъ утра отправился съ Цесаревичемъ верхомъ въ Бѣлу къ Государю. Съ нами поѣхалъ великій князь Сергій Александровичъ, Стюрлеръ и Долгорукій, да взводъ атаманскихъ казаковъ. Утро было пріятное, прохладное.

16.

Широко. 3-го августа 1877 г.

У насъ все обстоитъ благополучно, тишь да гладь..., только сегодня насъ разбудилъ громъ орудій со стороны Рущука: это заговорили наши осадныя орудія изъ Журжева и Слободзеи. Еще вчера вечеромъ было извѣстіе, что стрѣляютъ на Дунаѣ.

Государь вчера изъ Бѣлой перешелъ въ Горный Студень, такъ что теперь мы на разстояніи 60 верстъ...

Сейчасъ получили извѣстіе изъ Трстеника отъ великаго князя Владиміра Александровича, что нашими выстрѣлами произведено два пожара, что казаки Хрещатицкаго сдѣлали наѣздъ на Червеноводу и захватили шестерыхъ турокъ, потерявъ одного убитымъ.

Вчера видѣлъ я молодого лубенскаго гусара, вернувшася съ послѣдняго дѣла у Садына; онъ одинъ остался невредимъ изъ числа офицеровъ трехъ взводовъ, которые атаковали 800 черкесовъ...

17.

Широко. 4-го августа 1877 г.

На дняхъ допрашивали плѣннаго турку старика, взятаго около Разграда; онъ меня поразилъ своею важностью, достоинствомъ и

манерою себя держать. Онъ служилъ жандармомъ, отзывается презрительно о башибузукахъ и очень горюетъ о своихъ дѣтяхъ, оставленныхъ у Разграда... Съ аванпостовъ пришли наши лазутчики съ извѣстіемъ, что турки готовятся перейти въ наступленіе отъ Разграда, но въ то же время явился болгаринъ, присланный самими турками (!), съ извѣстіемъ, что они на насъ нападутъ 5-го августа, то-есть, завтра. Все это сомнительно. Съ сегодняшняго дня раздаются выстрѣлы со стороны Рущука, и отъ великаго князя Владиміра Александровича получено извѣстіе, что турки показались передъ Кадыкіой. Войска прибываютъ, но врядъ ли будетъ что-либо серьезное до прибытія гвардіи.

Изъ Бѣлой пришли два полка пѣхоты съ артиллеріей.

18.

Широко. 7-го августа 1877 г.

Въ нашемъ бездѣйствіи что-то кроется грозное и зловѣщее...

Подъ Плевной Крюднеру не хотѣлось начинать, но депеша изъ Тырнова получена была такая, что бѣднаго старика совсѣмъ сбила. Къ тому же два начальника—Крюднеръ и Шаховской, а между ними разстояніе верстъ 20. Вотъ и случилось, что Шаховской уже атаковалъ и былъ въ самой Плевнѣ, когда Крюднеръ и не думалъ двигаться. Со временемъ многое еще узнается. Съ медицинскою частью также вышла странность: корпуснаго врача старика Дубенскаго совершенно затеръ хирургъ Кѣхеръ.

19.

Широко. 7-го августа 1877 г.

Пріѣхалъ верхомъ изъ Пепеленъ денщикъ князя Долгорукова. Съ В. Шереметевымъ поѣхали въ Пепелены Долгорукій и Воронцовскій осетинъ Николай. Денщикъ какъ-то растерянно, на плохомъ русскомъ языкѣ и довольно безтолково разсказалъ, что съ В. Шереметевымъ случилось несчастье: онъ упалъ на камни и расшибся. Узнали отъ него, что кровь сильно пла носомъ, и что его прислали за экипа-

жемъ. Какъ нарочно ни одного доктора не было налицо. Гримма нѣтъ, гуляетъ съ Цесаревичемъ, остальныхъ не было; но скоро достали фельдшера и съ Измаиломъ отправились на тарантасѣ въ Пепелены. Черезъ часъ явился докторъ Сумволидъ; ему дали какую-то лошадь..., а между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Когда Цесаревичъ вернулся съ прогулки, я ему рассказалъ, что случилось. Онъ тотчасъ же сказалъ: „Ну, я такъ и зналъ!“ и тутъ же прибавилъ, что В. Шереметевъ пришелъ къ нему..., что какъ онъ его ни уговаривалъ не ѣхать, онъ все-таки поѣхалъ; досаднѣ всего, — говорилъ Цесаревичъ, — „что во время прогулки онъ, часъ тому назадъ, встрѣтилъ Долгоруковского деньщика, ѣхавшаго съ Пепеленъ, который и не подумалъ доложить о томъ, что случилось“. Прошло часа полтора, когда прибыли Долгорукій съ осетиномъ верхомъ и за ними арба, до-нельзя скрипучая, а въ ней на соломѣ лежалъ В. Шереметевъ, уже перевязанный Сумволидомъ, который засталъ ихъ въ Пепеленахъ. На рукахъ вынесли его изъ арбы и на кровати перенесли въ отдѣльную палатку... Доктора при мнѣ объявили, что перелома нѣтъ нигдѣ...

Наше положеніе не измѣнилось. Слышно, что готовится что-то опять у Плевны.

20.

Широко. 8-го августа 1877 г.

Получена депеша отъ главнокомандующаго, что Сулейманъ паша перешелъ Балканы и идетъ на Габрово...

21.

Широко. 9-го августа 1877 г.

Les canons de siège sont près de Plevna et cette nouvelle attaque sera un peu plus sérieuse.... Nos positions du XIII corps sont très fortes le long du Lom.... Le prince Czerkassky n'a pas quitté Tirnovo...

22.

Широко. 10-го августа 1877 г.

Сейчасъ уѣзжаетъ отсюда великій князь Сергѣй Александровичъ, и мы всѣ идемъ его провожать до Батинцы... Государь этого желаетъ.

Вчера Долгорукій вернулся съ рекогносцировки передъ Эски-Джумомъ; у турокъ укрѣплена позиція, и у насъ Попкіой хорошо защищенъ... Сейчасъ услыхалъ отъ Цесаревича, что Д. Голицынъ раненъ и потерялъ два пальца. Когда сказали это В. Шереметеву, онъ сказалъ: „Да на что же они ему?“

23.

Широко. 10-го августа 1877 г. 11½ часовъ ночи.

Пишу передъ кибиткой; ночь свѣтлая, мѣсячная, но духота, какой еще не бывало. Цѣлый день былъ невыносимый зной: 38° на солнцѣ, ночь 23° безъ вѣтра. Мы верхомъ провожали великаго князя Сергѣя Александровича до Батинцы и вернулись въ изнеможеніи.

...А у насъ наступило время серьезное: турки нападаютъ на проходъ Шибку, туда пошелъ Радецкій съ подкрѣпленіями. Въ то же время они нападаютъ на нашу позицію въ Попкіой. Прохоровъ пошелъ съ дивизіей; ожидаемъ отовсюду извѣстій, отъ которыхъ будетъ зависѣть многое.

...Очень жалъ Цесаревича; тяжелое его положеніе... Любопытно, что Прусскій Фридрихъ Карлъ просилъ командованія въ нашей арміи. Государь отклонилъ.

24.

Широко. 11-го августа 1877 г.

Сейчасъ получилъ депешу отъ генерала Гана, что генераль Прохоровъ съ своею дивизіею отбилъ атаку турокъ на Аясларъ. Это впереди Попкіой, очень важная позиція. Турки атаковали три раза;

отброшены блистательно; отличились полки: Невскій, Софійскій, Болховской... Подъ Шибкой атака турокъ также была отброшена... Государь телеграфировалъ: „Жду извѣстій изъ XIII корпуса“, а ему въ отвѣтъ: „Давно отправлена телеграмма съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Аясларѣ“. ...Сегодня въ 5^{1/2} ч. выступаемъ отсюда налегкѣ въ Облаву, а оттуда къ Попкію. Цесаревичъ хочетъ благодарить войска и видѣть раненыхъ. Беремъ вещей на трое сутокъ, а потомъ вѣроятно вернемся въ Широко... Турки атаковали Шибку 10 разъ! Каковы же были силы и каковъ отпоръ!..

25.

Ходжикіой. 14-го августа 1877 г. 11 часовъ вечера.

Прошло нѣсколько дней со времени моего послѣдняго письма, и пережилося въ это короткое время не мало событій. Страшно сказать, съ того часа и до сегодня не прекращался кровопролитный бой у Шибки. Турки съ отчаяннымъ остервенѣніемъ бросаются на насъ, не смотря на укрѣпленный переваль, и—нужно отдать имъ справедливость—дерутся великолѣпно. Но за то встрѣчаютъ они страшный отпоръ, ихъ отбрасываютъ, но съ новымъ упорствомъ новыя силы лѣзутъ на приступъ; подкрѣпленія подходятъ. Ключъ къ Адрианополю и далѣе въ Шибкѣ, и турки теперь напрягаютъ послѣднія усилія, но все разбивается какъ объ стѣну передъ нашими геройскими войсками, и болгарская дружина дерется хорошо. Они потеряли, говорятъ, до 600 человекъ и 22 офицера. Между тѣмъ и съ нашей стороны у Аяслара за Попкіемъ было дѣло; отличился Прохоровъ со своею дивизіей. Я тебѣ писалъ, что мы выступаемъ изъ Широка, чтобы видѣть войска, бывшія въ дѣлѣ. Въ 5^{1/2} часовъ мы двинулись долиною Лома, знакомою дорогой, на Острицы, оставивъ влѣво Кацелево, и прибыли при великолѣпномъ лунномъ освѣщеніи на позицію барона Дризена (начальника всей нашей кавалеріи) у Облавы. День былъ необыкновенно жаркій, душный, мы ѣхали шагомъ, чувствовался недостатокъ воздуха даже и ночью; красивы были горы и поля кукурузы, залитыя луннымъ свѣтомъ. Наше хорошее настроеніе мало-по-малу перешло

въ болѣе серьезное; казакъ нагналъ насъ съ извѣстіемъ, что у Шибки бой продолжается, не смотря на сильную потерю турокъ; а когда пришли въ Облаву, то получена была депеша отъ генерала Гана, что Прохоровъ оставилъ удержанныя имъ высоты и отступилъ къ Попкію, опасаясь быть обойденнымъ съ двухъ сторонъ. При этомъ Ганъ спрашивалъ, атаковать ли ему высоты свѣжими войсками, или нѣтъ? Мы остановились передъ Облавой (гдѣ находилась квартира барона Дризена) на скатѣ небольшой возвышенности. Здѣсь разложили мы наши вьюки; Цесаревичу поставили его небольшую *tente abri*, а Бяратинскій, Оболенскій, Гриммъ и я расположились вокругъ большого красиваго орѣховаго дерева, гдѣ и разложили наши бурки... Вьючный столъ былъ разложенъ и поставленъ; и часовъ въ 10 поданъ обѣдъ, весьма скромный, конечно, но мы были такъ голодны, что обрадовались и этому. Была минута очень серьезная, даже торжественная, — нужно было отвѣчать Гану. Долго совѣщался Цесаревичъ съ П. С. Ванновскимъ, наконецъ пришли къ тому, что предоставили на усмотрѣніе Гана атаковать, или нѣтъ, такъ какъ ему болѣе извѣстны мѣстности и условія и ничѣмъ его не обязывать и не стѣснять. Изъ его же депеши мы поняли, что онъ желаетъ атаки. Ему было предписано въ случаѣ атаки сдѣлать ее ночью, пользуясь ожидаемымъ луннымъ затмѣніемъ. Въ то же время получена депеша изъ главной квартиры, что предписано бомбардировать въ эту же ночь Руцукъ, а отъ великаго князя Владиміра Александровича изъ Трстеника, что онъ выѣхалъ въ передовую линію. Завязывалось такимъ образомъ дѣло по всей линіи. Послѣ долгихъ разсужденій Ванновскій началъ писать отвѣтную депешу Гану. Цесаревичъ сидѣлъ рядомъ; вмѣсто стола принесли какой-то ящикъ; я подошелъ, чтобы послушать, чтò пишутъ; въ это время барабаники ударили зорю. Ванновскій остановился, когда послышалось стройное пѣніе: „Отче нашъ“. Мы сняли фуражки, Цесаревичъ и Ванновскій встали и перекрестились. То былъ нашъ караулъ; пропѣли отлично; потомъ — „Спаси Господи люди Твоя“, и опять послышалась дробь барабана, команда: накройсь — и все утихло. Ванновскій сѣлъ и продолжалъ писать депешу; я посмотрѣлъ вокругъ, — все утопало въ лунномъ сіяніи, вся окрестность каза-

лась волшебною и тѣнь отъ густыхъ деревьевъ, и горы кругомъ, и долины, и далекіе мелькающіе огни бивуаковъ, и темно-синее небо, усыпанное звѣздами! Кто-то пожалѣлъ, что не было съ нами художника, кажется, Сергѣй Максимиліановичъ. Цесаревичъ улыбнулся и сказалъ: „Cela se gravera dans notre mémoire“.

Еще до ужина началось лунное затмѣніе и очень скоро сдѣлалось совершенно темно; луна обратилась въ какое-то кровавое, грязное пятно. Было такъ темно, что принесли на столъ фонари. Я порядкомъ усталъ и, не раздѣваясь, легъ подъ орѣшникомъ, только снялъ сапоги.

Проснулся я въ 5 часовъ, когда еще солнце не вставало, а въ 6 мы уже двинулись далѣе на Опаку и Гагово. Дорога шла широкою долиною; по обѣимъ сторонамъ возвышались живописныя горы, и чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ дорога становилась красивѣе; горы все болѣе и болѣе покрывались зеленью и становились выше. Вправо осталась деревня Опака, въ лоцинѣ, чрезъ которую проходитъ дорога, а потому эта позиція очень важна въ стратегическомъ отношеніи и, подкрѣпленная нами, образуетъ отличную защиту. Мы перешли каменный порядочный мостъ чрезъ Ломъ; горы раздвинулись еще болѣе, и въ 10 часовъ утра мы были въ Гаговѣ, гдѣ остановились у телеграфной станціи. Здѣсь Цесаревичъ телеграфировалъ Государю и получилъ отъ него депешу, что геройскій бой на Шибкѣ продолжается! Между тѣмъ отъ Гана изъ Попкіоя не было никакихъ свѣдѣній, и мы уже начинали думать, что онъ пошелъ въ атаку. Въ ожиданіи отъ него извѣстій расположились мы у какого-то сѣновала, скрываясь отъ солнца. Принесли взятую съ собою холодную провизію и яйца, и мы уже начали закусывать, когда къ удивленію является самъ генералъ Ганъ съ извѣстіемъ, что Прохоровъ отступилъ къ Попкію, и что атаковать возвышенности Аяслара рисковано, потому что турки необыкновенно живо устроили батареи и земляныя укрѣпленія, на что они большіе мастера. Къ сожалѣнію, мы прозѣвали сдѣлать то же самое. Тогда Цесаревичъ рѣшился немедленно двинуться къ Попкію, чтобы осмотрѣть позиціи и рѣшить, что дѣлать. Въ 11 часовъ прибыли мы въ Попкію, гдѣ къ изумленію нашли деревню на совершенно открытомъ мѣстѣ, впереди котораго тянется черный хребетъ, сна-

чала небольшой, а за нимъ другой гораздо выше; оба заняты турками... Ясно было, что вести атаку, не имѣя сильныхъ резервовъ, было рискованно. Рѣшили, оставивъ въ Попкію передовыя войска для развѣдыванія, удержать линію Облава, Опака, Поломарцы, гдѣ на сильныхъ высотахъ и ожидать нападенія... Передовымъ частямъ продолжать держаться въ Садинѣ и Гаговѣ. Цесаревичъ объѣхалъ войска дивизіи Прохорова, отбившія турецкія атаки. Люди смотрѣли такими молодцами, что трудно было безъ волненія и восхищенія на нихъ глядѣть. Весело, бодро, съ какою-то удалью смотрѣли они прямо въ глаза Цесаревичу, дружно отвѣчая на его привѣтствіе: „Здорово, молодцы!“ Но когда Цесаревичъ подъѣхалъ къ фронту полковъ Прохорова и къ артиллеріи и, останавливая лошадь, произнесъ: „Государь Императоръ приказалъ мнѣ благодарить васъ, молодцовъ, за вчерашнее славное дѣло“, — тогда раздалось такое громовое ура, такая радость блеснула въ глазахъ этихъ людей, такая отвага видна была на всѣхъ этихъ лицахъ, что любо было смотрѣть!

Мы отдохнули въ Попкію какъ попало и въ тотъ же день въ 6 ч. выступили обратно въ Гагово... Ночевали въ полѣ между нѣсколькими скирдами соломы; я спалъ какъ убитый, хотя ночью немного продувало; опять чудесная лунная ночь и не такая душная, какъ на канунѣ. Въ 7 ч. мы двинулись, все время подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ Лубенскаго гусарскаго полка.

Поломарцы. Это богатая, хорошая деревня, за которою мѣста совершенно мѣняются. Рѣшено было не возвращаться въ Широко и идти на Синанкію, и Васильковскій выѣхалъ ночью изъ Гагова, чтобы забрать обозъ и вести его на Синанкію. Мы двигались переменною дорогой, то спускаясь, то влѣзая на возвышенности; кое-гдѣ попадались огромныя грушевыя деревья и изрѣдка дубы. Вообще я здѣсь не видѣлъ ни одного настоящаго лѣса. Ыхали болѣе трехъ часовъ; вотъ показалась издали деревня. Мы всѣ обрадовались, подъѣзжаемъ; Цесаревичъ уже выбираетъ себѣ мѣсто подъ орѣховымъ деревомъ, но черезъ нѣсколько минутъ разочарованіе. Это деревня *Enidgessi*, замѣчательная тѣмъ, что болгары и турки живутъ въ ней въ дружбѣ и согласіи: и турки всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Дѣлать нечего, поѣхали дальше, а жаръ такъ и

валить, и лошади переступают съ трудомъ. Мы спустились въ лощину и напоили лошадей у фонтана съ отличной, холодной, какъ ледъ, водою. Проводникъ нашъ, болгаринъ, шелъ впереди; черезъ часъ только добрались мы до нашего желаннаго Синанкіюя,—но что это за деревня! На половину сожженная и вся оставлена жителями; повсюду грязь, мусоръ и запахъ гари. Мы объѣхали вокругъ всей деревни, отыскивая фонтаны; они оказались гдѣ-то въ оврагѣ, трудно доступные; дороги къ нимъ нѣтъ; обозу дойти нѣтъ возможности. Долго искали мѣста, наконецъ Цесаревичъ выбралъ оврагъ, довольно широкій, и помѣстился подъ большимъ деревомъ. Пока не пришла часть обоза, Цесаревичъ со мною и докторомъ Гриммомъ отправился искать родниковъ; съ трудомъ нашли засоренный ключъ, который тутъ же и принялись расчищать. Цесаревичъ съ лопатою въ рукѣ работалъ неутомимо, но труды были напрасны: толку не добились и вернулись усталые къ тому же дереву, гдѣ и улеглись до прибытія легкаго обоза, съ которымъ прибылъ, наконецъ, и В. Шереметевъ. Его везли въ крытой повозкѣ, наполненной соломой и очень покойной. Ему гораздо лучше. Цесаревичъ нашелъ, что въ Синанкіюѣ останавливаться бивуакомъ не возможно; онъ послалъ юнкера Лубенскаго полка Иванова, узнать, далеко ли до деревни Ходжикіой и каково тамъ мѣсто. Ночевали опять подъ открытымъ небомъ.

Въ этотъ день нагналъ насъ за Поломарцами казакъ изъ Гагова съ депешою изъ Шибки, что отброшенные турки продолжаютъ атаковать, но безъ успѣха, и что подкрѣпленія наши подходятъ.

На другое утро въ 9 часовъ двинулись. Цесаревичъ предложилъ желающимъ идти съ нимъ въ Ходжикіой пѣшкомъ. Пошли Ванновскій, его ординарецъ Страховъ, Стюрлеръ, Гриммъ, Олсуфьевъ и я. Прогулка—или скорѣе переходъ—была утомительна; сбились съ дороги, пошли полемъ, потомъ красивой тѣнистой тропинкой спустились въ долину, гдѣ нашли фонтанъ. Стюрлеръ съ трудомъ передвигалъ ноги и отсталъ; я остался съ нимъ; остальныхъ скоро потеряли изъ виду, но случайно добрались до мѣста и наткнулись на косогоръ съ двумя фонтанами и нѣсколькими большими деревьями, за которыми виднѣлось необозримое пространство пахотнаго поля, безъ малѣйшей растительности. Бивуакъ нашъ располо-

жился именно на этомъ мѣстѣ, благодаря близости фонтановъ. Труднѣ всего было обозу пробраться до нашего мѣста, но и это удалось, и вотъ мы опять подъ крышей.

26.

Ходжикіой. 17-го августа 1877 г.

Ежедневно Цесаревичъ дѣлаетъ съ нами прогулки по окрестностямъ; погода хорошая.

27.

Бѣла. 20-го августа 1877 г. 12¹/₂ ч. ночи.

Пишу съ квартиры профессора Корженевского, который любезно предложилъ мнѣ одну комнату, а самъ уѣхалъ съ своими помощниками въ Водицу, гдѣ собраны раненные въ послѣднихъ дѣлахъ XIII корпуса. Я здѣсь на перепутьѣ изъ главной квартиры государя, изъ Горнаго Студня, куда отправленъ былъ вчера въ 5 часовъ утра изъ Ходжикіой съ письмомъ Мехметъ-Али. Съ этимъ письмомъ прибылъ парламентаръ на наши аванпосты у Попкіоя и заявилъ, что, кромѣ передачи письма, онъ имѣетъ еще сообщить что-то важное великому князю главнокомандующему на словахъ. Пока Цесаревичъ телеграфировалъ, чтобы узнать приметъ ли его великій князь, я отправленъ былъ съ письмомъ же въ главную квартиру.

Путь шелъ на Баницы по красивой дорогѣ, потомъ чрезъ брошенное и наполовину сожженное турецкое большое селеніе Баланбуларъ, которое славится своими виноградниками, и спустились къ Бѣлѣ, гдѣ комендантъ полковникъ Павловъ далъ мнѣ свѣжихъ лошадей. Далѣе на Павло, потомъ свернули на брошенную деревушку и попали въ Акшаяръ, оттуда черезъ Митхатъ-Паша по ровнымъ полямъ, почти степными мѣстами, дотащился до Горнаго Студня въ то самое время, когда главнокомандующій выѣзжалъ изъ главной квартиры верхомъ для осмотра госпиталя. Я передалъ ему письмо Мехмета-Али. Онъ привѣтливо обратился съ вопросомъ: „Qu'est ce qu'il me veut?“ добавивъ, что вызвалъ парламентаря

къ себѣ и надѣется, что его привезутъ съ закрытыми глазами. Мнѣ же велѣлъ дожидаться его возвращенія у его палатки и сообщить о письмѣ нашему дипломату Нелидову....

28.

Д. Монастырь. 6-го сентября 1877 г.

Турки опять атаковали Шибку и отброшены съ большимъ урономъ. У насъ убитъ Мещерскій... Подъ Плевной началась осада; вызванъ Тотлебенъ... Въ большой палаткѣ еще слышны разговоры и раздается голосъ Цесаревича, который меня восхищаетъ своимъ спокойствіемъ и ясностію...

29.

Д. Монастырь. 9-го сентября 1877 г.

Я очень радъ, что В. Шереметевъ поѣхалъ въ Россію. Цесаревичъ хотя и сказалъ ему: „Счастливаго пути и скорого возвращенія!“ но потомъ прибавилъ, что ему вернуться только тогда, когда онъ совершенно поправится...

У доктора Гримма человѣкъ Высоковъ, дылда неуклюжая, ходитъ, размахивая руками, угловатъ и врывается въ кибитку точно съ извѣстіемъ, что нападаютъ турки. Потѣха слышать, какъ Гриммъ распекаетъ его: „Ты, мой другъ, очень глупъ, я тебя, мой другъ, прогоню!“

Цесаревичъ заходилъ ко мнѣ два раза; очень добръ и ласковъ. Онъ хочетъ перебраться въ избы...

30.

Д. Монастырь. 10-го сентября 1877 г.

Вчера въ первый разъ вышелъ изъ кибитки. За обѣдомъ были двое англичанъ, члены парламента *voyageurs de distinction* и въ то же время военные и сотрудники *Times*. Я уже ихъ видѣлъ въ Горнемъ Студнѣ, когда былъ 19-го августа. Они все въ тѣхъ же

уродливыхъ, безобразныхъ каскахъ. Одинъ изъ нихъ *Baker*, тотъ самый, что въ парламентъ нападалъ на Wellesley, за его долгое пребываніе въ Россіи; другой *Havelock*, сынъ знаменитаго генерала, отличившагося въ Индіи во время большого возстанія туземцевъ. Оба они вполне приличны... Они обѣдали у Цесаревича, который былъ съ ними простъ и пріятеленъ, какъ всегда: хозяинъ ласковый, но и съ особеннымъ достоинствомъ. Къ концу обѣда онъ велѣлъ подать „soda and cognac“. Мореплаватели ослабились, когда услышали родные звуки. За столомъ разговоръ былъ оживленный на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Они въ рѣчахъ своихъ выражаютъ негодованіе по поводу убійствъ и варварствъ и восхваляютъ наши войска. Послѣ обѣда я слышалъ, какъ *Havelock* говорилъ про Цесаревича: „a charming man!“ и вообще расхваливалъ пріемъ и обращеніе съ ними. „We are recieved like old friends althaugн we are perfect strangers“.

Я нашелъ случай сказать Гавелоку, что *Lennox* поручаетъ кланяться Wellesley. *Havelock* изумленно посмотрѣлъ на меня. „*Lennox*, oh!“ — „I have seen him with Mehemed Ali Pacha“, — пояснилъ я. — „Oh!“ и конечно обѣщалъ передать поклонъ, прибавивъ: „They are both good friends of mine“.

Пока англичане были у насъ, получались депеши за депешами и донесенія за донесеніями. Мой другъ Махметъ-Али рѣшился наконецъ дѣйствовать и вчера сдѣлалъ нападеніе на отрядъ Татищева (XI корпуса князя Шаховскаго), нашего сосѣда съ праваго фланга. Онъ заслоняетъ Тырново. Нѣсколько штурмовъ было отбито, но турки успѣли пробраться почти въ тылъ съ лѣваго фланга, между Церковной и Чаркіюемъ, и заняли деревушку. Въ это время нашего отряда Вятскій полкъ, свѣжій, только что прибывшій изъ Россіи, во-время ударилъ туркамъ во флангъ, выбилъ изъ деревни и преслѣдовалъ быстро отступавшаго непріятеля; еще разъ они попробовали напасть на центръ Татищева, но окончательно отброшенные, съ большими потерями, отступили. Сегодня ожидали продолженія нападенія, но до сихъ поръ ничего нѣтъ; видно, пощипали ихъ порядкомъ, а между тѣмъ уже вся 3-я дивизія гвардіи за Дунаемъ!

Останется ли зиму здѣсь Цесаревичъ, или нѣтъ, не извѣстно никому. Могу сказать, что Сергѣй Максимиліановичъ убѣжденъ, что не останется; но самъ Цесаревичъ намекаетъ на зимнее время.

31.

Д. Монастырь. 13-го сентября 1877 г.

Дождь льетъ цѣлый день, осенній мелкій дождь; сыростью обдаетъ кругомъ; кибитка моя пропиталась водою, хотя и не протекаетъ, но отъ войлока несетъ какимъ-то сырѣемъ. Иначе выходить нельзя, какъ въ личныхъ сапогахъ, ноги въ грязи вязнуть и скользять. И когда всему этому конецъ?...

32.

Дольный Монастырь. 13-го сентября 1877 г.

Завтра Цесаревичъ ѣдетъ въ Горный Студень; тамъ ночуетъ.

Сегодня случилось маленькое происшествіе, которое можно назвать „скандальчикомъ“. Пріятели Baker и Havelock, осмотрѣвъ всѣ позиціи, вернулись сюда съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Бухарестъ. Ужъ какъ именно случилось, не знаю, но вышло такъ, что Havelock вдругъ неизвѣстно почему палкой приколотилъ нашего отряднаго драгомана, болгарина Сладко; какое-то между ними произошло недоразумѣніе. Havelock принялъ слова Сладко за дерзость, тогда какъ тотъ вовсе не желалъ быть дерзкимъ, — взялъ да и прибилъ его! Нельзя сказать, чтобы такое обращеніе было gentlemanlike. Сладко оскорбился и повлекъ Гавелока къ коменданту Зарубаеву, который ни слова по англійски не разумѣлъ. Случайно попалъ я туда же для объясненій; вижу Havelock что называется пѣна у рта, а Baker невозмутимо спокоенъ. Пошли судиться къ П. С. Ванновскому. Сладко требовалъ дуели. Оказалось, что Havelock былъ порядочно „выпимши“, долго очень горячился, но Ванновскій представилъ ему всю неблаговидность его поступка. Havelock принужденъ былъ торжественно извиниться у Сладко, и тотчасъ же уѣхалъ. Никто не ожидалъ такого обра-

щенія отъ члена англійскаго парламента... А что еслибы кто-нибудь изъ насъ, прїѣхавъ въ англійскую главную квартиру выкинулъ бы нѣчто подобное?... Теперь они хотя и признають, что наши солдаты храбры, но прибавляютъ: „Savage courage!“ Теперь принято у нихъ насъ сравнивать съ турками, что молъ качества и недостатки тѣ же; однимъ словомъ два дикихъ народа, два гладіатора, показывающіе представленіе передъ сынами Альбіона.

33.

Д. Монастырь. 14-го сентября 1877 г.

Все тихо на аванпостахъ, и, по видимому, Мехметъ-Али послѣ поражения у Чаркію не рѣшается такъ скоро возобновить атаку. Погода опять портится, дождь льетъ безостановочно.....

Графъ Серій Шереметевъ.

щенія отъ член
изъ насъ, приѣх
нѣчто подобное?
даты храбры, н
у нихъ насъ ср
статки тѣ же; о
показывающіе п

Все тихо в
пораженія у Ча
Погода опя

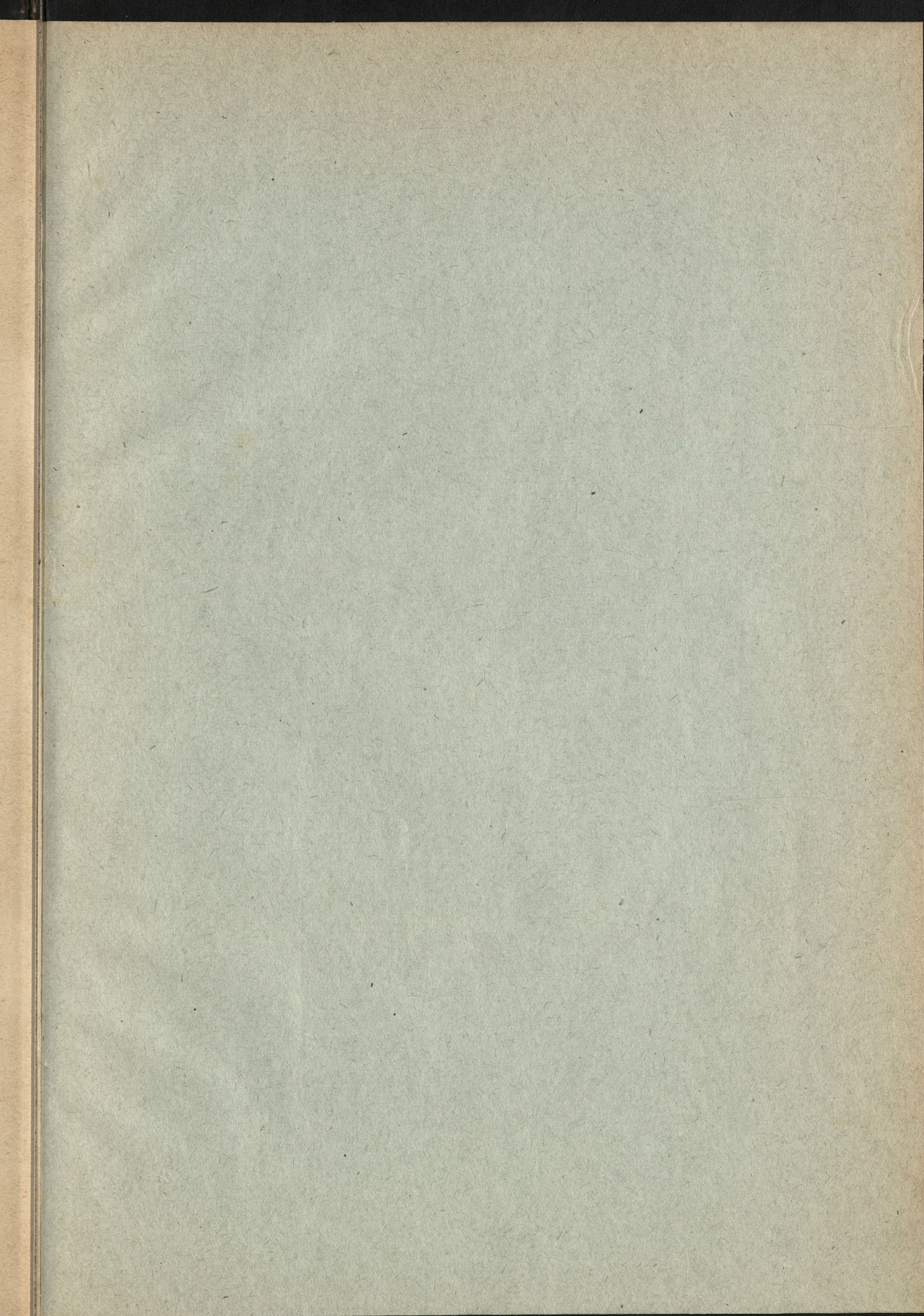
еслибы кто-нибудь
иру выкинулъ бы
; что наши сол-
Теперь принято
качества и недо-
; два гладіатора,
іона.

нтября 1877 г.

хметъ-Али послѣ
обновить атаку.
вочно.....

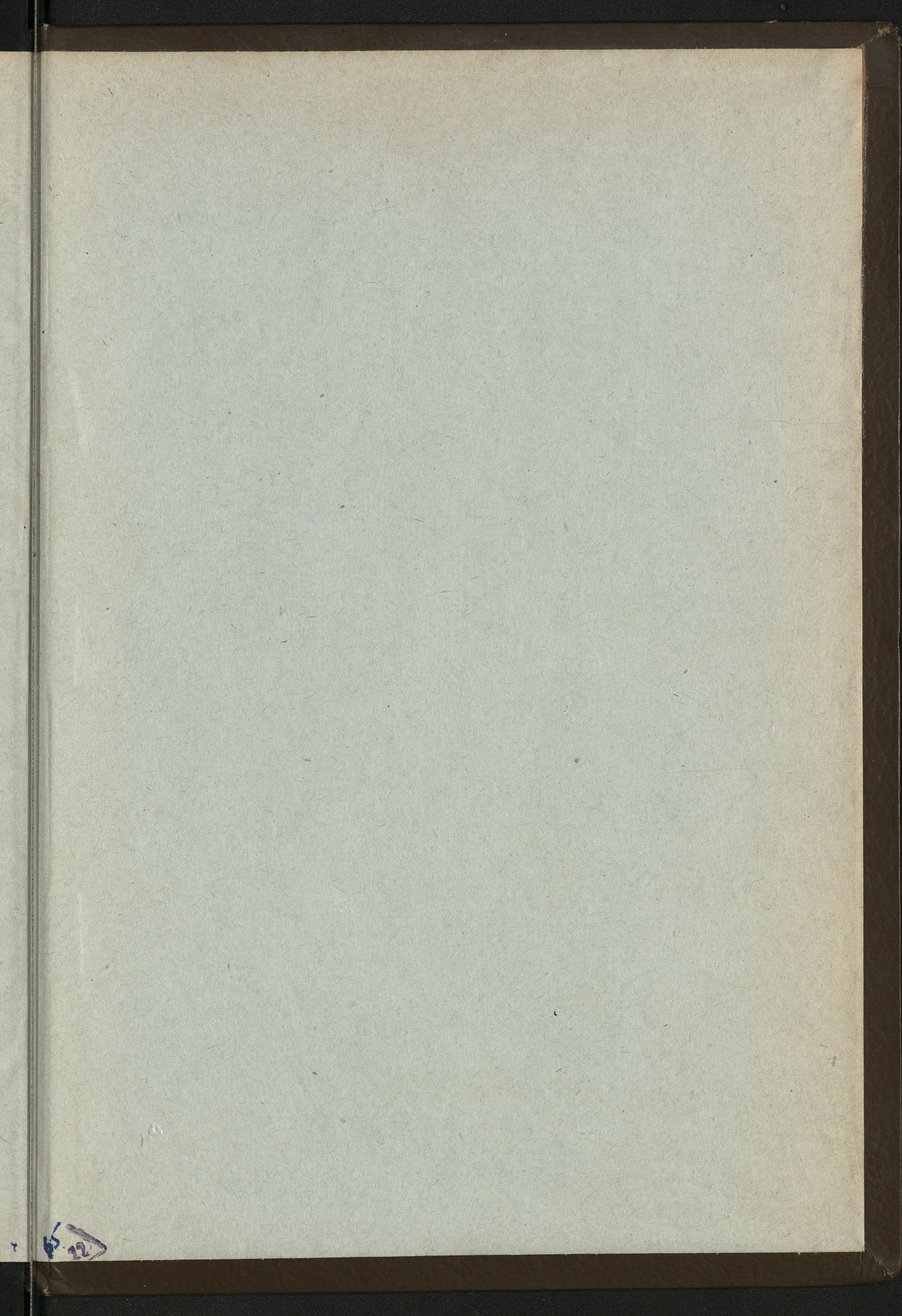
етевъ.

1500218758

4291 n 112